

павел селуков

**павел
селуков**

**НЕ
ТАКАЯ
УЖ
СТРАШНАЯ
ЖЕРТВА**

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С29

Художник Елизавета Корсакова

Селуков, Павел Владимирович.

С29 Не такая уж страшная жертва: [рассказы] / Павел Селуков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 253, [3] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-185097-5

Герой нового сборника рассказов Павла Селукова «Не такая уж страшная жертва» — писатель, боксер, муж и просто мужчина на пороге сорокалетия, пытающийся понять: почему жизнь с каждым годом чувствуется острее?

Случайная девушка, вернувшая веру в человечность; старый знакомый Кеша, в котором не просыпается эмпатия; смертельно больная Зоя, мечтающая о первом и последнем прикосновении, — каждая встреча оборачивается либо трагедией, либо откровением.

В этой прозе нет прикрас: здесь говорят на языке улицы, любовь граничит с насилием, а прошлое не отпускает. Но именно в этой жесткой честности рождается удивительная нежность к миру. Селуков уверен: жертва, которую мы приносим, чтобы остаться людьми, возможно, не такая уж страшная.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Селуков П. В.
© Корсакова Е. М., художественное оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-185097-5

Про молодость

Пришел я в спортзал на днях. А там со мной никто не разговаривает, потому что все в наушниках. Это видовая примета хомо спортзалуса — наушники. А еще — качать то, что и так уже накачено. Видал девушек с попами, там такие попы, что уже отдельная личность, гастрологи может давать без хозяйки. Картина: цирк, выходит попа, а мужики сворой аплодируют. Или у мужчины бицепс, как моя талия, а у меня нету талии, а он все равно самую большую гантелю вихляет. Еще все мужики понтовые трусы носят: *Nike, Adidas, Reebok* и т. д. Я один там поддерживаю отечественного производителя семейных трусов *DoReMi*.

Мне тут бесплатную тренировку с инструктором дали. Здоровенный такой парень. Его бы к моему отцу в Гамово на урожайный период. Или вместо лошади, а то у отца лошади нет, только курицы и кролики. Звонит, помню, пьяный. Как, говорит,

мне их убивать? Кого, спрашиваю? Кроликов, отвечает. Они, говорит, такие лапочки пушистые с глазками, особенно Вероника. Ты чё, говорю, имена кроликам дал? Я, говорит, не специально — сами как-то дались. Людей же, говорю, в Афгане убивал и этих убивай. Так то, говорит, люди, а то кролики. Дождись, говорю, пока наименованные от старости подохнут, а приплод уже не именууй, чтоб эмоциональная связь не возникла, иначе придется наемного убийцу искать.

Не знаю, что он там порешал: два года в Гамово не был.

Вернемся к инструктору. Он меня на такой аппарат увел, где голыми ногами на весах стоишь, а в руках как бы палочки такие держишь, которые состав твоего тела исследуют, а потом листок выдают. Инструктор листок взял и понес.

— Жиры многовато, мышц маловато. Надо работать. Я тебе составлю программу тренировок. Есть хронические заболевания?

— Есть. Диабет, гепатит С, биполярное расстройство личности.

Инструктор нечаянно отступил от меня на шаг.

— Да вы не бойтесь. Гепатит с диабетом по воздуху не передаются.

А я до этого на себя ремешок такой надевал с датчиком, чтоб он сердце мое изучал, пока я по беговой дорожке хожу. Я его снял и инструктору даю, а ремешок потный чуток. Инструктор на него как на гадюку посмотрел. Хотя потных гадюк не

бывает: гадюки не потеют. И собаки тоже с кошками. Посмотрел он на ремешок и говорит:

— Ты не мог бы салфеткой его влажной протереть — вон она, там лежит — и туда положить?

— Конечно.

Взял, протер, положил. Мне несложно. Я на него немножко даже не обиделся. Потому что... ну... люди разные, у каждого свои тараканы, если на всех обижаться, обижалки не хватит. А мне моя обижалка дорогá. Я люблю обижаться изредка, но навзрыд, чтоб пожалеть себя потом с виноградом и конфетами. Раз в месяц примерно обижаюсь. В основном на жизнь или на жену.

— Рекомендую взять тебе пять тренировок с тренером.

— А что в них входит?

— Покажу, как правильно работать на тренажерах, составлю программу занятий, назначу диету. У тебя какая цель тренировок?

— Да как сказать...

— Ну, похудеть, массу набрать, выносливость.

— Да не. Я сюда прихожу, когда мне невыносимо хочется уколотся. Бегаю, гантели тягаю, пашу как лошадь. А потом в сауне сижу, балдею. Спортзал помогает мне пережить тягу.

— Чё?

— Я наркоман. Плевать мне на свой вид, если честно. Я тут ради выживания. Пока помогает, а как завтра будет — я не знаю. Шаг влево, шаг вправо — считай, смерть. Я очень боюсь оступиться, хребтом чую, что других шансов мне уже не

дадут. Наверно, это и есть страх божий — бояться греха, бояться не просто умереть, а умереть в нем, проиграв по всем статьям.

У меня черная тренировочная футболка с длинным рукавом фирмы *Demix*. Очень мне она нравится. Цена-качество рука об руку идут, я считаю. Так вот. Я рукав для наглядности закатал и показал инструктору сгиб локтя. Напугал его второй гадюкой, ха!

Инструктор посмотрел на меня каким-то застывшим взглядом, а потом как бы отряхнулся, будто сенбернар брылами.

— Пять занятий стоят восемнадцать тысяч. Недорого.

— Нихрена себе! Мне сигареты не на что покупать. Не, бро, пойду я.

Протянул инструктору руку — попрощаться. Инструктор руки не заметил. Да и правильно — и здоровье дороже, и не в тех мы отношениях. Не то чтобы я расстроился, но осадочек остался. Не от него, от самого себя. Нафига я все это на него вылил? Кому нужна такая вот необязательная правда? Но больше я расстроился из-за того, как глупо я, в сущности, прожил свою жизнь. Гепатитом я вообще не из-за своей наркомании заболел. Я тогда ничего не употреблял, а подруга детства моя употребляла. Она в наркопритоне кололась, а я пришел ее оттуда вызволять. А она в ванной уколиться пыталась. А я в ванную дверь сломал и шприц у нее стал забирать. А она его мне в грудь воткнула. Я ее не виню. Да и себя не виню. Иногда

все просто так вот происходит. Она сейчас водителем троллейбуса работает. Вернусь в Пермь, обязательно ее в нем сфоткаю. Мне кажется, смешно выйдет.

От таких вот малосимпатичных мыслей и чудных воспоминаний мне лучше всего бег помогает. Тут я тоже на беговую дорожку пошел, взял программу для выносливости (20 мин.) и поставил уровень — 12 км/ч. Чтоб только и думать, как не сверзнуться, а не это вот всё. Когда я бегаю, я дико потею. Как собака, которая из реки вылезла и отряхивается. Натурально — потею в разные стороны. Очень неудобно перед людьми. Поэтому я с собой беру маленькое полотенце и морду им вытираю регулярно. Я его на перила беговой дорожки вешаю. А тут бегу, минут пятнадцать уже бегу, морду вытер, полотенце назад повесил, а оно — хоп — и соскользнуло на пол. А мимо девушка шла с попой, подняла его и мне на перила повесила. А сама на соседнюю дорожку встала и побежала трусцой. В нашем спортзале поднять чужое потное полотенце с пола и повесить его на перила — это, не знаю, все равно что ноги Марии Магдалине омыть. Это такая человеческая роскошь, такая высота, что мне сразу захотелось этой девушке развернутое «спасибо» сказать. А она же хомо спортзалус, то есть в наушниках. И музыка еще эта общечеловеческая играет.

Логично было бы коснуться плеча девушки, чтоб привлечь ее внимание, а там уже спасибничать. Но как его коснуться, как вторгнуться в лич-

ное пространство в наш просвещенный век? Еще и потной рукой. А с другой стороны, благодарность распирает, как виноград пузо, яростно требует выхода. Короче, потянулся сомневающейся рукой. Тут фигня какая-то произошла – ноги бежать перестали. Будто я не способен тянуться рукой и бежать ногами одновременно. Будто ноги уступили место руке. Будто у меня конечности не многозадачны. Ну, или мозги. Только коснулся плеча, как – хоп – сразу улетел в стену и лежу там в живописной позе. С точки зрения девушки смешно получилось. Она повернулась, а никого нет, только лента крутится, как сумасшедшая. А я лежу, и даже вставать неохота, неохота проверять – встану ли? Тут девушка меня увидела, выключила свой тренажер, мой тренажер, подбежала ко мне и помогла встать. Я сразу взялся за дело.

– Спасибо, что подняли мое полотенце. И меня.

– Не за что. Вы целы?

– Вроде бы.

– В вашем возрасте нельзя на такой скорости бегать.

Лучше б, думаю, я весь день с инструктором провел.

– Сколько мне, по-вашему?

– Лет сорок.

– Ну да. А вам? Извините, это неприлично...

– Мне двадцать.

– Хмм...

– Берегите себя.

– И вы.

Про молодость

Вернулись на тренажеры. Действительно ведь, думаю, мне скоро сорок. Почему тогда я чувствую себя молодым — лет на двадцать? Да потому что я боксер и могу конкурентно подраться с любым мужиком в зале, если не в стране. Потому что меня резали, в меня стреляли, меня душили, забивали до полусмерти толпой, а вот он я — почти нулевенький! Мое представление о молодости такое же, как у шимпанзе, у альфаца шимпанзе. Пока я могу драться за место под солнцем с другими самцами и побеждать — я молод, я в порядке. А для той девушки всё иначе. Я молод, пока я выгляжу хорошо, свежо, молодо. Не важно, на что я при этом способен. Я ощущаю себя молодым, пока могу добыть мамонта. Она ощущает себя молодой, пока выглядит молодой. Но и я ощущаю ее молодой, пока она такой выглядит. Почему же она не ощущает меня молодым, пока я способен бить мамонтов? Или для этого мы с ней просто мало знакомы? А если познакомиться поглубже? Как-то двусмысленно прозвучало.

Я покосился на девушку. Она могла бы быть моей дочерью. Как бы я ее назвал? Может, Вероника? Как отец крольчиху?! Совсем ты больной! В гимнастику бы ее отдал. Или на фигурное катание...

Как вы понимаете, спортзал для меня — нескончаемый источник познания жизни.

Эффект Даннинга–Крюгера

Приятель ко мне приехал из Перми — Кеша. Попросил приютить ненадолго. В соседней комнате живет. Вроде доволен, мы ему, кажется, почти не мешаем. Тут вот какое дело... С людьми, которым дано меньше, чем мне, я интеллигентен до ужаса, точнее, до бесхребетности. Мне неловко их обижать, а они этим бескорыстно пользуются. Я, главное, понимаю, но привык. Зато с людьми равными или больше меня — не обязательно экзистенциально больше: статусом больше, деньгами, физически, — я тверд, холоден, иногда даже агрессивен. А Кеша, ну... Жена его бросила — ушла к футболисту, профессии у него нет, образования тоже. В Перми то картошку развозил, то ванны реставрировал, то клопов травил, то объявления расклеивал. Долги еще перед налоговой, у него ИП какое-то овощное было, кредиты, то-сё — ужас. Приехал в Москву подзаработать денег. Он сам

по себе хороший: не пьет, не курит, наркотики не употребляет, матом не ругается. У него своя драма произошла в юности. Кеша в дурдоме отлежал по ошибке. У него с шеей что-то было, кислород в мозг плохо поступал, от чего он вел себя неадекватно. Вот его в дурдом и положили. Там, понятно, слюни в пол — галоперидол. Он раньше на гитаре играл и пианино. Нет, он и сейчас играет, но уже без блеска в глазах. Это как рассказ писать, потому что умеешь, а не потому что хочешь. Вот видите? Из-за этого у меня большие проблемы с концепциями рая, ада и Страшного суда. Если даже я способен почти каждого человека понять, а понять, и полюбить, а полюбив, и простить, то неужели великий Бог на такое не способен, что это за Бог такой? Но знаете, что я понял, живя с Кешей? Одно дело — прощать человека разок и умозрительно, а другое дело — каждый день и по конкретным поводам. Во-первых, как и любой нормальный мужчина, живущий с женщиной, я давно писаю сидя. Кеша, хоть и жил с женой, к горшку оказался не приучен. А мне неудобно... как-то... ну... Смешно даже.

Такое чувство, что он заходит в туалет с твердым намерением нассать на ободок. Однажды перед сном жена мне говорит:

— Я так больше не могу. Когда он съедет?

— На ноги встанет и съедет.

— Через неделю. И поговори с ним — пусть писает сидя.

Я покивал. Я оказался между молотом и Кешей.

Обычно по утрам Кеша пил на кухне наш кофе. Нет, он спросил, дескать, можно кофе попить, я, конечно, разрешил. С тех пор Кеша наш кофе и пьет, месяц уже. Мне неловко говорить ему, что это было разовое разрешение, а не годовой абонемент. В тот день, о котором я рассказываю, Кеша тоже пил кофе. Я зашел на кухню и поздоровался:

— Доброе утро, Кеша.

— Привет, Гена.

Я сел за стол и мучительно покраснел. Я не люблю таких разговоров, они неприличные, вульгарные даже, я не знаю, как боль в зубе.

Если б не жена, я бы ни за что не решился.

— Кеша...

— Чё?

— Когда ты ходишь в туалет... Ты мог бы писать сидя?

Кеша посмотрел на меня с удивлением.

— Так бабы писают.

— Так писают все, кто не хочет попадать на ободок.

— Я не попадаю.

— Попадаешь.

— Нет.

— Да. В этой квартире стоя писаешь только ты.

— А ты сидя?! Ну ты каблук. Куколд. Ха-ха!

Я, понимаете, обиделся. Обиделся и говорю:

— Мне жена с футболистом не изменяла. Так что куколд у нас в этой квартире только ты.

Смотрю — у Кеши подбородок задрожал предслезно. Так стыдно стало: вот я урод.

- Прости, Кеша. Я не хотел. Извини.
- Да ладно. Правильно все сказал. Я ничтожество. Ничего не добился. Тридцать пять уже.
- Все образуется...
- Тебе легко говорить – у тебя призвание есть. Тут мне его совсем жалко стало, и я брякнул:
- А давай со мной!
- Что?
- Сценарии писать, пьесы, романы. Я тебя научу!
- Правда научишь?
- Конечно. Это не так сложно...
- Я тоже думаю, что не сложно, у тебя ведь получается.
- Получается, да...
- Когда начнем?
- Можно прямо сейчас.
- А ты аванс дашь?
- Чего?
- Ну, аванс. Я из доставки, получается, ухожу, жить надо на что-то.
- Ну да. Надо.
- На «Райффайзен» переведи, на «Сбер» не кидай, приставы заблочили.
- Тут я совсем «поплыл». Бесхребетность и логика разговора меня размазали.
- Я спросил:
- Сколько перевести?
- А сколько у вас аванс обычно?
- Триста.
- Долларов?